

СВЕТЛАНА АЛЕКСАНДРОВНА ГАНИНА

кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой общих гуманитарных и естественно-научных дисциплин факультета экономики, туризма и права, Орехово-Зуевский филиал Российского нового университета (Орехово-Зуево, Российская Федерация)
svetla3@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПОКОЛЕНИЙ В РУССКОЙ КУЛЬТУРНОЙ ТРАДИЦИИ: ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

В статье рассматривается аспект комплексного регулирования межпоколенческих взаимоотношений, включающий в себя государственное, религиозное и семейное.

Ключевые слова: феномен детства, права ребенка, семья, взаимоотношения поколений в семье

Проблема взаимодействия поколений в семье в целом не является для России новым явлением. В русской культурной традиции существовали веками отлаженные и апробированные способы государственного, религиозного, культурного и семейного регулирования взаимоотношения поколений. Так, в патриархальной многопоколенной семье авторитет подкреплялся функцией управления имуществом, которое принадлежало исключительно патриарху (самому старшему мужчине в семье). Прочие члены семьи, какими бы ни были их кровные связи и перспективы занять место патриарха, авторитета не имели, хотя и могли располагать (меньшей, чем у патриарха) долей власти.

Княжеская светская власть практически с самого начала осуществляла контроль над семьей, воспитанием и обучением детей. Она была кровно заинтересована в укреплении этой социально-экономической ячейки общества, идущего по пути феодализма. Так, «Устав князя Владимира» (рубеж X–XI веков), законодательно зафиксировавший право, сложившееся на Руси задолго до принятия христианства, проявляет огромную заботу о крепости семьи. Государственному суду подлежали «распуты (дела о разводе), смилное (незаконная связь мужчины с женщиной), заставанье (поймка мужем жены при нарушении супружеской верности), умыкание (похищение девушки или женщины), пошибанье (изнасилование) их... упреканье (оскорбление словом)... зубояденье (кусание в драке, ссоре), иже отца и мать бьют, или сын или дщи бьются, или братья бьются, и иже тяжются о заднице (наследстве)» [12]. Семьи мирян и после принятия христианства подчинялись светской княжеской власти. Судя по «Уставу князя Владимира», в семьях того времени возникала масса проблем, в чем-то схожих с современными. Отношения между родителями и детьми были сложными и неоднозначными. Государство пыталось вмешиваться во внутрисемейные дела, регулировать

их. Родители в законодательном порядке наделялись определенными обязанностями, фактически на семью перекладывалась функция родовой общины – подготовка детей к жизни в обществе. Уже «Устав князя Ярослава» (XI век) предусматривал ответственность родителей за обеспечение детей и устройство их в жизни, в частности за незамужество дочери: «Аже девка засядет...» (ст. 7), неизвестную византийскому праву того времени. При этом, устраивая брачные дела детей, нельзя было не считаться с их мнением: «Аже девка не восхоцеть замуж, а отец и мати силою дадут, а что створить над собою – отец и мати епископу в вине, а истор има платити. Тако же и отрок» (ст. 24) [13; 109]. Закон ограждал не только негативное («не восхоцеть») волеизъявление, но и позитивное: «Аже девка восхоцеть замуж, а отец и мати не дадут, а что сотворить, епископу в вине отец и мати. Тако же и отрок» [13; 114]. Из приведенных статей видно, насколько велика была родительская власть над детьми.

Функция воспитания и образования детей лежала на старшем поколении и на всей семье в целом, а не только на родителях. Поскольку детей в патриархальной семье было много, образование осуществлялось коллективно. В патриархальной семье все ее члены были подчинены патриарху и равны друг другу; восставать против его авторитета они могли только все вместе. В России патриархальный тип семьи достиг расцвета в период господства «Домостроя». Этот документ с XVI до XVIII века регулировал частную жизнь россиян. Воспитание детей рассматривается в нем как особая, специфическая и важная отрасль домашнего хозяйства, тесно связанная с целостным семейным бытом. Влияние идей, зафиксированных в «Домострое», прослеживается не только в XVII, но и в последующих XVIII–XIX веках, а в старообрядческой среде эта книга продолжала оставаться руководством по домашнему воспитанию и образованию детей и в XX веке.

«Домострой» провозглашал священной обязанностью родителей воспитывать детей и

контролировать как весь ход их образования, так и необходимость подготовки к жизни вплоть до их женитьбы и обзаведения своим хозяйством. Согласно традиции, «Домострой» провозглашает разделение обязанностей в деле воспитания детей между отцом и матерью по половозрастному принципу. На первое место ставятся задачи нравственного воспитания, прежде всего религиозного. Большое значение составитель «Домостроя» придает проблеме взаимоотношения родителей с детьми, понимаемой как важнейшее условие правильного воспитания. Определенное внимание уделено методам и приемам формирования подрастающего человека. Следует отметить, что в историко-педагогической литературе, да и в учительской и родительской среде сложилось ложное представление о жестокотности в отношении к детям в древнерусской семье, что вызвано тенденциозным подбором цитат и своеобразным их толкованием. Исследователи чаще всего цитируют главу 51 «Како дети своих воспитати во всяком наказании и страхе божиим». Слово «наказание» сегодня имеет только отрицательную коннотацию, хотя до XVII века включительно его корень «наказ» означал «поучение» (например, «наказуи ему добро»). «Наказывай сына своего в юности его, и упокоит тебя в старости твоей» [4; 135]. «Домострой» требовал взаимной любви, христианского милосердия как родителей к детям, так и детей к родителям. Крайности физических мер воздействия и со стороны родителей, и со стороны детей явно преувеличены, что вызвано его художественной, а не научной природой. В то же время нельзя впадать и в другую крайность, совершенно отрицая применение физических наказаний детей как народного метода воспитания. Как известно, метод физических испытаний подростков и юношества имеет длительную историю и восходит к некоторым ритуалам инициаций первобытной эпохи (проверка на выносливость, умение переносить тяготы охотничьей жизни и пр.). В средневековой России физическое воздействие, безусловно, осмысливалось как средство воспитания христианской морали. Однако применять его рекомендовалось как средство чрезвычайно тонкое и даже деликатное. В формуле «наказывай смолodu детей своих» в первую очередь подразумевается словесный наказ. Наказание «битьем» – крайнее средство, применяемое, когда уже весь арсенал народно-педагогических воздействий исчерпан. Для нынешнего родителя домостроевская методика весьма поучительна: во-первых, необходимо тщательно изучить проступок, наказывая не по прихоти своей, а лишь по «вине и обыску», во-вторых, нужно наказывать, не унижая человеческого достоинства ребенка, «не пред людьми, на едине», в-третьих, осуществлять физическое воздействие лишь в спокойном, разумном состоянии, «бережно бить

и разумно... милостиво наказать», в-четвертых, сопровождать физическое воздействие словесным наказом, разъяснением, сочувствуя ребенку: «...да примолвить и пожаловать, а никакo же не гневаться...» Мы видим, что физическое наказание рекомендуется как крайнее, методически чрезвычайно тонкое средство, превосходящее по своей гуманности то, что мы не так уж редко наблюдаем в современной семье.

Подобные советы, вероятно, по-разному трактовались каждым главой семьи, и некоторые родители при наказании детей не знали меры. Несмотря на то что почтение к родителям внушалось законом, обычаями и церковью, деспотический характер родительской власти иногда приводил к обратным результатам. Н. И. Костомаров писал: «Зато и дети, раболепные в присутствии родителей, с детства приучались насмехаться над ними вместе со сверстниками из слуг...» [5; 206].

Согласно регламентации семейной жизни по «Домострою», власть главы внутри семьи была практически неограниченна. Отец мог женить или выдать замуж детей против их воли, чем иногда доводил их до самоубийства [10; 194]. Злоупотребления родителей, по свидетельству историков, доходили до того, что иные отцы, соблазнившись деньгами, продавали себя с женами, детьми и со всем потомством, которые жили потом в неволе за родителей.

В традиционной патриархальной российской семье дети только в лице родителей могли видеть защитников своих интересов, что поддерживалось и законом. Наряду с этим предусматривалось, что родители в отношении неповинующихся детей имели право применять домашние исправительные меры. В случае их безуспешности родители были властны: детей в возрасте 10–17 лет отдавать в воспитательно-исправительные заведения; детей обоего пола, не состоящих на государственной службе, за упорное неповиновение родительской власти, развратную жизнь и другие явные пороки – заключать в тюрьму посредством официальных властей [11; ст. 165].

Предпосылки защиты детей от злоупотреблений со стороны родителей существовали уже тогда, прежде всего в связи с необходимостью соблюдения общечеловеческих норм. Тем не менее прямое упоминание о правах детей в семье было нехарактерно. Обязанности детей любого возраста состояли в оказании родителям почтения и покорности, служении им, терпеливом отношении к их увещаниям и почтении их памяти после кончины. Явные конфликты между поколениями в семье считались недопустимым явлением, порицались общественным мнением и энергично подавлялись не только семьей, но и государством, причем чаще всего в пользу старших.

Описывать древнерусскую модель отношения родителей к детям как исключительно

деспотическую было бы ошибочно. На взгляд современного педагога, врача-педиатра или просто родителя многое в воспитании детей в средневековом обществе было вопиющим нарушением санитарных и педагогических норм, но даже Л. Демоз, американский исследователь эволюции детства, нарисовавший чрезвычайно яркую и поистине ужасающую картину истории детских страданий, должен был признать, что этой совершенно неправильно ориентированной заботы часто было достаточно, чтобы вырастить ребенка [3; 29]. Следует отметить, что детство как культурный феномен обычно соответствует характеру эпохи, и практика регулярных телесных наказаний и запугивания детей выполняла функцию подготовки ко взрослой жизни. Возможно также, что средневековые жестокости были в свое время меньшим злом, которым предотвращалось зло большее, сокрытое от современного человека. Если сравнить древнее и современное общества, то и здесь выводы могут оказаться совсем неоднозначными. Неизбежная жестокость сохраняется, меняются только ее формы. Постиндустриальное общество требует от родителей неусыпной заботы о младенце, но терпимо относится к контрацепции и абортам.

Согласно интерпретации французского ученого Ф. Арьеса, для эпохи Средневековья характерно отсутствие представления о детстве как об особом периоде жизни человека [1]. По мнению академика Д. С. Лихачева, подобная ситуация существовала и на Руси: «Для летописца не существует “психологии возраста”» [7; 30]. В древнерусской духовной живописи детей изображали как маленьких взрослых [9; 307], уменьшая тела без изменения пропорций, на их лицах лежит отпечаток недетской серьезности и понимания. В лучшем случае к детству относились как к некому истоку качеств взрослого человека.

Со времени правления Петра I домостроевский уклад жизни начал трансформироваться. Возросло подчинение воспитания и образования молодежи государству. Оно отделило молодых от старшего поколения пропастью светского образования. Очевидно, переход от православного семейного уклада к западному образцу противопоставлял семейные ценности и нормы поколений, способствуя открытым и, возможно, даже в чем-то одобряемым государством конфликтам между ними. Ибо в такой ситуации межпоколенческий конфликт способствовал общественным и государственным инновациям. Тем не менее способы взаимосвязи поколений в семье и передачи социального опыта были строго определены и неизменяемы. В традиционной патриархальной семье сложилась культура межпоколенческих отношений постфигуративного типа. Согласно нормам такого общества, под межпоколенческим конфликтом понималось главным образом неповиновение потомков тра-

диционным устоям семейной жизни. Этот конфликт считался дисфункциональным процессом, поэтому строго пресекался и карался. Его возникновение оправдывалось только тогда, когда традиционные ценности и нормы, передаваемые старшим поколением младшим, противоречили социальным нововведениям или иным способом нарушали социальный порядок.

В индустриальном обществе произошли многообразные и существенные социальные трансформации, коснувшиеся как института семьи, так и межпоколенческих отношений. На протяжении XIX века постепенно формировалась новая модель семьи – эгалитарная, преобладающая в настоящее время в современных развитых странах и в России. В такой семье значительно изменились структура, функции, отношения между полами, поколениями и родственниками. По мере развития государства и индустриализации хозяйства некоторые институты общества стали «перехватывать» у семьи ее традиционные функции: воспитательную, образовательную, защитную, досуговую, хозяйственно-бытовую. Женщины были вовлечены в общественное производство, что частично превратило детей и стариков из объекта семейной защиты в объект общественного попечения. Усложнение производства способствовало тому, что старшее поколение перестало быть главным учителем. Социальная мобильность увеличилась, и дети могли менять профессию, место жительства, убеждения.

Одна из отличительных особенностей взаимодействия поколений в отечественной семье – наличие советского опыта межпоколенческих отношений. По сравнению с досоветским периодом в советской семье взаимодействие поколений резко изменилось. В семье ослабела приватность; общественному воспитанию подрастающего поколения отдавался приоритет над семейным. По отношению к членам семьи государство проявляло патернализм, возросло его вмешательство в частную жизнь граждан.

В XX веке во всех развитых странах сокращается роль родителей в социализации детей. Значительную часть этой функции берут на себя школа и средства массовой информации. Часто в школе детям прививаются иные ценности и нормы, чем принятые в их семье. Методы воспитания в школе также вступают в противоречие с домашними. Это стимулирует новые причины межпоколенческого конфликта – противоречия между первичной и вторичной социализацией.

Современные СМИ содействуют развитию поколенческих связей, снижая роль иных коммуникативных средств (устного общения, чтения книг и пр.). Сами новейшие коммуникативные технологии для организации межпоколенческого взаимодействия, безусловно, прогрессивны, но принципиальное значение имеет содержание информации. При этом СМИ выступают мощ-

ным инструментом социализации личности, соперничающим с влиянием родителей.

Во всех индустриально развитых странах в настоящее время на семейную организацию влияют изменения в обществе. Глобализация трансформирует взаимодействие поколений. Сегодня во всех частях мира, где народы объединены электронной коммуникативной сетью, у молодых людей возникает общность опыта, которого никогда не было и не будет у старших. По определению М. Мид, это префигуративный тип культуры, в которой старшее поколение не увидит в жизни молодых повторения своего опыта [8; 361]. Молодежь в основном владеет современными компьютерными технологиями, в том числе коммуникативными, а среднее и тем более старшее поколения – далеко не всегда.

В постсоветской России тотальное государственное регулирование социальной жизни сменилось бесконтрольностью, породившей моральную деградацию общества. Воспитание молодежи полностью передано на усмотрение семей, среди которых есть те, которые не готовы к этому. Государство и общественность пока не занимают активную созидательную позицию в судьбе новых поколений. Все это способствует межпоколенческому конфликту в семье, которая так же, как и общество в целом, оказалась в состоянии кризиса.

Отметим существование ряда факторов, сдерживающих межпоколенческий конфликт, разрушающий семейные отношения. Общественное и семейное воспитание и образование основаны на приоритете общечеловеческих ценностей и осуждают конфликты в семье и пренебрежительное отношение к близким. Общий уровень

развития культуры современной цивилизации ориентирован на гуманное и толерантное отношение к людям, особенно к родным. Детям необходима помощь родителей при получении образования и профессии, трудоустройстве и продвижении по службе, создании семьи, обустройстве собственным жильем и т. д. Всегда востребован опыт родных людей, их моральная и материальная поддержка.

Подчеркнем, что детство является традиционным и одним из наиболее важных предметов социально-антропологического и культурно-философского изучения культур прошлого и настоящего. Оно представляет собой одну из центральных проблем современной антропологии, решение которой лежит в сфере междисциплинарных исследований [2; 205].

Представляется, что русская культурная традиция порождает особый, радикальный тип межпоколенческих взаимоотношений. Ю. М. Лотман полагает, что русская культура «осознает себя в категориях взрыва» [6; 112]. Он выделяет динамику бинарных и тернарных структур. Тернарные структуры сохраняют определенные ценности предшествующего периода, стремятся приспособить идеал к реальности. Для бинарных структур характерно стремление осуществить на практике неосуществимый идеал путем полного уничтожения всего существующего как «порочного». В цивилизациях западного типа – тернарных – взрыв разрывает лишь часть пластов культуры. В бинарных структурах, характерных для российской культуры, моменты взрыва могут разрывать цепь непрерывных последовательностей, что ведет к глубоким кризисам и коренным обновлениям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арьес Ф. Возрасты жизни // *Философия и методология истории* / Общ. ред. и вступ. ст. И. С. Кона. М.: Прогресс, 1977. С. 216–244.
2. Белик А. А. Психологические направления в этнологии США. От исследования «культура-и-личность» к психологической антропологии // *Этнология в США и Канаде* / Под ред. Е. А. Веселкина, В. А. Тишкова. М.: Наука, 1989. С. 190–240.
3. Демоз Л. Эволюция детства / *Психоистория*. Ростов н/Д: Феникс, 2000. 512 с.
4. Домострой по Коншинскому списку и подобным, подготовка текста А. Орлова. Кн. 1–2. М.: Синодальная типография, 1908–1910.
5. Костомаров Н. И. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях. М.: Республика, 1992. 301 с.
6. Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М.: Гнозис, 1992. 272 с.
7. Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. М.: Наука, 2006. 202 с.
8. Мид М. Культура и мир детства. М.: Наука, 1988. 429 с.
9. Пушкарева Н. Л. Мать и материнство на Руси (X–XVII вв.) // *Человек в кругу семьи: Очерки по истории частной жизни в Европе до начала нового времени* / Под ред. Ю. Л. Бессмертного; Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории, Рос. гос. гуманит. ун-т. М.: РГГУ, 1996. С. 305–341.
10. Рабинович М. Г. Очерки этнографии русского феодального города: Горожане, их общественный и домашний быт / Отв. ред. В. В. Покишевский. М.: Наука, 1978. 327.
11. Свод законов Гражданских. Т. 10. Ч. 1. Пг., 1914. Ст. 165.
12. Церковный устав св. Владимира (пространная редакция) // *Мрочек-Дроздовский П. Н. История русского государственного права до конца XVII столетия. Приложение 1*. М., 1892. С. 290–298.
13. Щапов Я. Н. Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв. М.: Наука, 1989. 232 с.